

А. В. Соколов

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

На путях познания документосферы.

Часть 1.

Первое приближение к сущности документа: эмпирический подход

Рассмотрено содержание наиболее развитых отечественных наук о документе – архивоведения, документоведения, книговедения, музееведения. Сопоставлены исторически сложившиеся в них понятия «документ» и «книга». Отмечено, что расхождения в понимании документа в различных структурных составляющих документосферы препятствуют их объединению на практике и научной интеграции в теории. Обоснована актуальность синтеза архивов, библиотек, музеев как социальных институтов.

Ключевые слова: архивоведение, документ, документоведение, документосфера, книга, книговедение, музееведение, социальный институт, теория.

UDC 002

Arkadiy Sokolov

St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia

On the ways to knowledge of documentsphere.

Part 1.

The first approach to the essence of the document: An empirical approach

The historically folded concept "document" and "book" is confronted in scientific disciplines of archive, documentation, museum, bibliography. Divergences in understanding of document in the different structural constituents of documentsphere prevent their association in practice and scientific integration in theories. The urgency of the synthesis of archives, libraries, museums, as a social institution, is substantiated.

Keywords: archivalology, bibliography, book, document, documentation science, museology, social institution, theory.

Документосфера – неологизм, очень редко встречающийся в научных текстах. Только в одном словаре-справочнике удалось обнаружить дефиницию следующего содержания: «*Документосфера* – сфера обращения документализованной информации. Характеризует состояние, качество документальной памяти человечества. Включает такие коммуникационные явления, как: документальный поток, документальный массив, документальный ресурс, документальный фонд, документальная информация; процессы: документирование, документография, документализация, документальное обслуживание и др.» [1. С. 83].

Упрощая приведённую формулировку, назовём *документосферой* ту область социально-культурного пространства, где создаются, передаются, хранятся и используются сообщения смысловой коммуникации, именуемые «документы».

В XVIII веке – веке Просвещения – слово «документ» отсутствовало в русской лексикографии. Об этом свидетельствует тот факт, что Российская академия, главными задачами которой были «сочинение грамматики и словаря» и изучение древнерусских литературных памятников, не нашла места в своём «Словаре Академии Российской, производным порядком расположенным», вышедшем в свет в 1789–1894 гг. в 6 томах и включавшем свыше 40 тыс. слов, для заморского слова «документ». Только в середине следующего столетия в «Словаре церковно-славянского и русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии наук в 1847 году», можно прочитать: «*документ* – учёный акт или деловая бумага, служащие доказательством или свидетельством чего-либо». С тех пор в практике канцелярского делопроизводства и юридического судопроизводства, да и в быденном общении, термин «документ» понимается как «деловая бумага, юридический акт, служащий доказательством чего-то, подтверждающий право на что-то», или как «официальное удостоверение личности, пропуск, паспорт» [2. С. 557]. Это толкование резонно считать *аутентичным* – подлинным, исходным, первоначальным значением лексемы «документ» в русском языке. Однако оно недолго оставалось единственным.

Известны более дюжины академически признанных «наук о документе», в том числе архивоведение, археография, библиографоведение, библиотековедение, документоведение, документалистика, документология, журналистика, информатика, источниковедение, книговедение, криминалистика, музееведение и другие (перечень далеко не завершён). Кроме того, существует десяток так называемых вспомогательных (специальных) исторических дисциплин – бонистика, геральдика, дипломатика, нумизматика, палеография, сфрагистика, эпиграфика и др., изучающих отдельные виды документов.

Каждая наука в рамках своей компетенции пытается раскрыть феномен документа, его отличительные признаки, свойства и социальные функции, технологии его создания, обработки и распространения, структуры документальных систем. Стали привычными разные ответы на вопрос «что есть документ?», бесконечные рассуждения относительно сущности, функций, типологии документов и о проблемах: «книга и документ», «информация и документ».

В XXI в. технотронные, виртуальные и электронные документы обновили и обострили проблематику многолетних дискуссий. Не остались в стороне от диспутов историки, культурологи, семиотики, теоретики социальной коммуникации, хотя термин «документ» они используют не всегда, предпочитая «памятник», «знак», «символ», «информация».

Неопределённость понятия «документ», терминологическая несогласованность, хаотичное переплетение документоведческих концепций дезориентируют образовательный процесс и формирование научных школ. В высшей школе подготовка бакалавров и магистров проводится по направлениям «Документоведение и архивоведение» (часто понимаемое как «Документоведение и документационное обеспечение управления»), «Библиотечно-информационная деятельность», «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», научно-методическое сотрудничество между которыми практически отсутствует.

В итоге вместо общей теории документа получаются сепаратные курсы «Управленческое документоведение», «Теория архивного дела», «Библиотечно-библиографическое документоведение», «Основы музееведения». Ещё сложнее проследить вектор научной интеграции в неустанно модернизируемой Высшей аттестационной комиссией Номенклатуре специальностей научных работников. Там есть автономный раздел «Документальная информация (документ)», включающий научные дисциплины: документалистика, архивоведение, документоведение, библиотековедение, библиографоведение, книговедение. Эти дисциплины органично связаны с такими науками о документах, как музееведение, историческое источниковедение, археология, текстология, журналистика, литературоведение, криминалистика, социология управления, которые распределены по другим разделам Номенклатуры. Короче говоря, эмпирически и стихийно сложился «ассортимент» учений, теорий и учебных курсов, раскрывающих те или иные аспекты феномена, который именуется «документ».

В постановочном исследовании рассмотрим содержание пяти наиболее развитых отечественных наук о документе: архивоведения, документоведения, книговедения, музееведения, документологии для того, чтобы, во-

первых, систематизировать существующие ответы на вопрос «что есть документ?» и приблизиться к пониманию его сущности; во-вторых, определить основные проблемы познания документосферы, формирующейся в современной России.

Многоаспектность поставленных задач обусловила следующую структуру исследования:

Часть 1. Первое приближение к сущности документа: эмпирический подход. Эмпирически сложившиеся в архивоведении, документоведении, книговедении, музееведении расхождения в понимании «документа» и «книги» могут стать препятствием для интеграции различных структурных составляющих документосферы.

Часть 2. Второе приближение к сущности документа: информационный подход. Информационный подход, показывающий логические взаимосвязи категорий «информация» и «документ», может способствовать формированию методологической основы для обобщающей теории документосферы.

Часть 3. Третье приближение к сущности документа: гуманистический подход. Гуманистический подход заключается в использовании достижений семиотики, филологии, философии для познания сущности категории «документ» и современных противоречий документальной коммуникации. (Части 2 и 3 будут последовательно опубликованы в № 6 и 7. – *Ред.*)

1.1. Архивный документ как социально-культурная ценность

В отечественном архивоведении представлены два понимания сущности архива: 1) *ведомственно-потребительское*, когда архив рассматривается как продолжение канцелярского делопроизводства – более-менее длительное хранение деловых бумаг, утративших оперативное значение; здесь приоритетными являются функции кумуляции фондов и справочно-информационного обслуживания; 2) *историко-культурное*, когда архивный фонд воспринимается в качестве коммуникационного канала, передающего ценности национальной культуры из поколения в поколение, а архивы предстают следствием присущего человеку стремления к самопознанию и увековечению памяти о себе; приоритет отдаётся мемориальной функции и функции гуманизации общества.

Функциональные установки выражаются в отношении персонала к архивным документам. В первом случае главное – конъюнктурно-политическая и прагматическая полезность, а во втором – культурно-историческая ценность документа, сочетающаяся с бескорыстно-научным интересом к нему как к памятнику прошлого. Соответственно в литературе по архивоведению предлагаются разные подходы к определению архивных документов.

В постсоветской России объектом архивоведения считался документ в виде «материального носителя записи с зафиксированной на нём информацией», а предметом – архивные документы, находящиеся на архивном хранении или подлежащие архивному хранению. В Основах законодательства Российской Федерации «Об Архивном Фонде РФ и архивах» (1993) [3] понятие *архивный документ* определено как «всякий документ, независимо от носителя и способа фиксации информации, сохраняемый или подлежащий сохранению в силу его исторической и практической значимости для общества и равно имеющий ценность для собственника».

Несмотря на упоминание об «исторической значимости» архивных документов, главное внимание в «Основах законодательства» и в других руководящих материалах уделялось не реализации культурно-исторического потенциала архивных фондов, а использованию хранимых документов «в качестве доказательства при подтверждении правовых обязательств или деловой деятельности» (ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 Управление документами).

Прагматическая ориентация превалирует и в терминологических стандартах «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», как в ГОСТе Р 51141–98, так и в недавно сменившем его ГОСТе Р 7.0.8–2013. В них *документ* определяется как «зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими её идентифицировать», а *архивный документ* трактуется как «документ, сохраняемый или подлежащий сохранению в силу его значимости для граждан, общества, государства». Смушает требование, чтобы всякий документ обладал *реквизитами*. Реквизит же довольно невнятно определяется как «элемент оформления документа» (выходит, что черновые автографы или указатели типа «вход воспрещён», этюд или фотография, которые не имеют реквизитов, не могут считаться документами).

Историко-культурная составляющая в архивной практике представляется слабо. Очень жаль. Потому что, как пишет в одной из своих книг историк архивоведческой мысли *Татьяна Иннокентьевна Хорхордина*, именно в случае гуманизации российских архивов «особенно возрастает значение профессии архивиста и научных основ архивной деятельности. Выявление, отбор для хранения архивных материалов, обеспечение сохранности архивных фондов и условий для их использования становятся важным критерием уровня цивилизованности государства и общества» [4. С. 481, 482].

Важное профессионально-мировоззренческое значение не только для архивного дела, но и для других документально-коммуникационных институтов имеет призыв Т. И. Хорхординой: «объективно различать три уровня понимания сущности и функций архивов и профессии архивиста: обслуживание социальных запросов, служение нации (государству) и вневременной, “вечный” характер как источника исторических знаний, т.е. научной систе-

мы человеческих знаний о мире и о себе» [4. С. 248]. Отсюда следует вывод о многоцелевом назначении архивного социального института: архивы служат для управления социальными, политическими, международными процессами, защищают имущественные интересы и права собственников, являются хранителями национальной памяти, незаменимым историческим источником и очагом культуры.

1.2. Аутентичный документ как предмет документоведения

Разнообразные государственные, юридические, служебные, личные документы, отбираемые для хранения в архивах, как правило, служат доказательством чего-либо, подтверждают право на что-то, т.е. ассоциируются с первоначальным общезыковым значением слова «документ», которое мы условно назвали «аутентичным». К аутентичным архивным документам относятся: используемая в дипломатической практике международная переписка (меморандумы, ноты, верительные грамоты и т.п.); деловые (коммерческие, хозяйственные) письма, с помощью которых устанавливаются деловые контакты между предприятиями, организациями, органами власти; внутрифирменные управленческие документы: служебные, объяснительные и докладные записки, распоряжения и приказы, электронная почта и пр.

Типичный «жизненный цикл» аутентичного документа состоит из четырёх этапов: первый – замысел и порождение (вне архивной отрасли); второй – существование документа в качестве регулятора процессов, явлений, событий действительности, когда он выполняет властные, исполнительные, организационные, коммуникативные, информационные и другие функции; третий – после утраты документом оперативного значения по итогам ценностной экспертизы он может быть уничтожен либо оставлен для долгосрочного или вечного хранения в архиве; четвёртый – описание архивного документа, снятие ограничений на доступ к нему и превращение его в публичный исторический источник [5. С. 11].

Таким образом, архивное дело охватывает два последовательных этапа: третий – комплектование и хранение архивных фондов, что является предметом *архивоведения* как комплексной научной дисциплины, изучающей и разрабатывающей теоретические, методические и организационные вопросы архивного дела и его историю, и четвёртый – аналитико-синтетическая обработка собранных документов, в результате которой появляется предмет *археографии* как научной дисциплины, разрабатывающей принципы и методы подготовки документальных публикаций (теоретическая археография) и осуществляющей их практическую реализацию (прикладная археография).

Типичный цикл документооборота соответствовал технологии бюрократического управления: «орган власти – канцелярия – архив», и властные структуры, начиная с царя-реформатора Петра I, постоянно заботились о его совершенствовании. Достаточно вспомнить о петровском «Генеральном регламенте», принятом в 1720 г., откуда в русский язык пришли слова «архив» и «архивариус». Однако с ростом просвещения российские архивы начали комплектоваться не только продуктами канцелярского делопроизводства, но и историческими актами, манифестами, памятными записями, литературными автографами и другими произведениями письменности, первоначально не предназначавшимися для архивного хранения.

В советское время архивное дело институционализировалось в виде многоуровневой системы центральных, краевых, областных государственных архивов, а также ведомственных и местных архивов различных организаций. В начале 1930-х гг. в Москве был открыт Государственный историко-архивный институт (МГИАИ), призванный готовить специалистов высшей квалификации для работы в государственных архивах, а затем и работников государственного делопроизводства. Именно МГИАИ стал первооткрывателем *документоведения* как новой научной и учебной дисциплины.

История отечественного документоведения началась со статьи профессора МГИАИ *Константина Григорьевича Митяева* (1902–1969) «Документоведение, его задачи и перспективы развития», опубликованной в 1964 г. [6]. В этой статье было обосновано научное понятие документа как «результата сознательного запечатления (документирования) информации о явлениях объективной действительности различными способами в целях надёжной передачи этой информации во времени и на расстоянии, при обязательной идентификации запечатлённого на языке слов» [Там же. С. 29].

Документоведение было определено как «научная дисциплина, изучающая в историческом развитии способы, отдельные акты и системы документирования явлений объективной действительности и создаваемые в результате документирования отдельные документы, их комплексы и системы» [Там же. С. 35]. В 1960-е гг. документоведение было признано самостоятельной научной дисциплиной, о чём свидетельствует образование в 1966 г. Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД). В 1969 г. новая наука о документе была внесена в номенклатуру специальностей научных работников.

Документоведение родилось в недрах архивоведения, но изначально презентовало себя не как отрасль науки об архивах, а как самостоятельная *теория документа и документирования*, охватывающая, разумеется, архив-

ные документы, но не ограничивающаяся ими. Возник принципиальный вопрос: на какое понятие документа ориентироваться? На аутентичное, управленческо-бюрократическое или более широкое – социально-культурное? Мнения разделились.

Одни учёные рассматривали документоведение как прикладную эмпирическую дисциплину, сложившуюся в результате осмысления практики делопроизводства и изучающую функции документов в управленческой деятельности и рациональное построение конкретных систем документации. Другие теоретики исходили из социально-культурного понимания документа как «результата закрепления информации о предметах объективной действительности и о мыслительной деятельности человека посредством письма, графики, фотографии, звукозаписи или другим подобным способом на любом носителе» [7. С. 59], независимо от целевой и функциональной направленности документационной практики.

С середины 1970-х гг. в нашей стране получила предпочтение управленческая практика, что в научном плане означало приоритет эмпирического *управленческого документоведения* в системе наук о документе. Предметом такого документоведения стало изучение структуры и свойств административных управленческих документов, закономерностей документооборота в учреждениях, совершенствование технологии документационного обеспечения аппарата управления. В настоящее время на рынке учебной литературы преобладают прагматичные учебные пособия по управленческому документоведению, адресованные студентам, обучающимся по специальности «документоведение и документационное обеспечение управления» (например, [8]). Однако имеют место и теоретически углубленные интерпретации науки о документе.

Концепция *социально-культурного документоведения* отражена в учебнике профессора Томского государственного университета *Николая Семёновича Ларькова* [9]. Автор исходит из потребности в формировании обобщающей науки о документе и документационных процессах в обществе, способной обеспечить «глубокое проникновение в социальную и информационную сущность документа».

Стремясь «дать максимально объёмное, обобщающее и в то же время наиболее точное и краткое определение понятия “документ”, отвечающее содержанию и задачам документоведческой науки», Н. С. Ларьков предлагает следующую абстрактно-теоретическую формулировку: «*Документ* – это включённая в социальную коммуникацию семантически структурированная информация, искусственно закреплённая на материальном носителе в стабильной знаковой форме» [Там же. С. 42]. Легко заметить, что эта

формулировка, в отличие от управленческих трактовок, далеко отстоит от аутентичного эмпирического понимания документа, что ведёт к немаловажным следствиям.

В контексте теоретического обобщения, свойственного социально-культурной интерпретации документоведения, Н. С. Ларьков решает вопрос о соотношении понятий «книга» и «документ». Он приходит к выводу: «Книга исторически и логически по своей информационной, социальной сущности и основным функциям, по характеру материального носителя, способу передачи информации также является документом, хотя и обладающим, безусловно, значительной спецификой» [9. С. 26]. Следовательно, *книга – разновидность документа*. Этот вывод прямо противоположен взглядам сторонников управленческого документоведения.

Типичным его представителем является *Галина Александровна Двоеносова*, которая руководствуется своеобразной дефиницией: «Документ – конвенциональная форма представления первичной и достоверной информации о явлениях, событиях, фактах объективной реальности, которая может быть использована как доказательство и как инструмент действия» [10]. В этой дефиниции отчётливо просматривается произвольность исходных понятий (стыдливо названная «конвенциональная форма»), которая свойственна эмпирическому управленческому документоведению. Проиллюстрируем это.

В статье, озаглавленной «Феномен документа», Г. А. Двоеносова задалась целью «показать отличия документа и книги как разных социальных феноменов» [11]. Она честно признаётся: «Не будучи специалистом в области книговедения, библиотековедения и библиографии, сложно судить о том, какой научный подход наиболее способствует раскрытию сущности такого феномена, как книга». И тут же заявляет: «Документ и книга – два совершенно разных информационных объекта, которые имеют разные цели, предназначены для решения разных социальных задач и различаются технологиями создания, хранения и использования» [Там же. С. 2].

Принципиальное различие между ними усматривается в том, что «всякий официальный документ или частное письмо – правдивый, объективный свидетель прошлого, его материальный остаток. Всякая же рукопись литературного, научного и исторического характера есть лишь мнение о фактах и явлениях – по своей природе всегда субъективное» [Там же]. Следовательно, «отношения между документами и книгами – это отношение первичного и вторичного», ибо архивы хранят достоверную «первичную информацию», а библиотеки распространяют в обществе полиграфически ретражированные субъективные мнения авторов «вторичной информации» относительно известных им фактов.

«Целью создания документа, – полагает Галина Александровна, – изначально было доказательство совершенных действий, явлений, событий, фактов. Книга же создавалась с целью сохранения, передачи и распространения знаний, чувств, впечатлений» [11. С. 5]. Все эти фундаментальные утверждения предлагается принять на веру.

Развивая свой феноменологический подход, Г. А. Двоеносова в статье «Документ – имя собственное!» [12] признаёт документами только «собственно первичные документы», а никак не книги или музейные экспонаты. Исходя из того, что первичный документ – «уникальное достижение цивилизации, древнейший продукт человеческой деятельности, исключительное социальное явление и в то же время – всё ещё не познанный объект науки», Галина Александровна утверждает, что только он имеет право «называться своим собственным, данным ему изначально именем – документ» [Там же. С. 91]. Поэтому она решительно отменяет претензии библиотечных документологов на разработку «общей теории документа» и переименование книг в разновидность документов. Налицо *словесное табу* – ограничение словоупотребления, обусловленное внелингвистическими факторами [13. С. 467], в данном случае – стремлением управленческого документоведения к гегемонии в области наук о документе. С подобными гегемонистскими притязаниями согласиться невозможно.

Каковы реальные научные достижения управленческого документоведения, которое многие учёные-документоведы, в том числе и Г. А. Двоеносова, признают лидером среди наук о документе?

Директор ВНИИДАД *Михаил Васильевич Ларин* спустя почти 50 лет после создания этой головной научной организации в области документоведения не без горечи признавал в одном из своих официальных выступлений: «Документоведение как научная дисциплина только ещё складывается», «мы находимся лишь в процессе её становления», «предстоит определиться с сущностными характеристиками главных объектов и предметов для изучения – документов и систем документации, выявить свойства и признаки документа, проследить развитие его функций на протяжении времени» [14. С. 139].

С этой целью он предлагает «не включать в документоведение книговедение и ряд дополнительных разделов из других дисциплин», «не пытаться изменить саму суть документоведения», а «чётко очертить контуры нашей дисциплины в рамках традиционных представлений о документоведении», отбросить точку зрения, «согласно которой документ – это универсальное понятие, любая записанная информация» [Там же. С. 140].

Директора ВНИИДАД удручает плачевное состояние управленческого документооборота, когда «нет единства понимания ключевых терминов» и учёные не могут определить, что есть «делопроизводство», «документационное обеспечение управления», «управление документами», не говоря уже о центральном понятии «документ», которому «сегодня нет альтернативы».

Странно, что руководство главного (и пока единственного) научно-исследовательского института в области документооборота и архивного дела консервативно настаивает на продолжении прикладных разработок, игнорируя фундаментальные социально-культурные подходы, суть которых – не канцелярское делопроизводство, а смысловая социальная коммуникация. Мы не сомневаемся в практической востребованности, государственной и административной значимости управленческого документооборота. Однако для определения его места в ассортименте наук о документе необходимо обратиться к научно-интеграционным воззрениям, в первую очередь речь идёт о документальном подходе к библиосфере.

1.3. Документальный подход к библиосфере

Если государственность на Руси началась с управленческой документации, то духовная культура пришла вместе с православной книжностью. Зарождение архивов и библиотек датируется одинаково – временем принятия христианства. В монастырских ризницах, помимо церковных облачений, хранились богослужебные руководства, хозяйственные и юридические письменные документы, а ризничий выполнял функции библиотекаря и архивариуса. В «сокровищницах» княжеского двора древнерусские князья берегли, наряду с драгоценностями, книги, а также разные «памятки» и «грамотки», игравшие роль административных и дипломатических актов или финансовых обязательств.

В «книгохранилищах» новгородского Софийского собора и псковского Троицкого собора собирали акты государственного значения, исходящие от веча, архиепископа, князя, посадника. Можно сказать, что Книга и Документ с древнейших времен были спутниками русского человека. Но главенствовала душеспасительная Книга.

Древняя Русь не знала апостолов, учивших живым словом, за исключением хлыстов и других еретиков, а православные святители были людьми книжной культуры, и их ученики в случае пожара сначала спасали иконы и книги, а затем – остальное имущество. Роль «учения книжного» в просвещении Руси красочно живописал *Василий Осипович Ключевский* (1841–1911): «Как взглянул русский разумный и понимающий человек на просвещённый мир сквозь привозные книги, так и впал в уныние от собственного недостойнства, от умственного и правового убожества. Тогда русский ум припал жадно

к книгам, к этим “рекам, напоющим Вселенную, этим исходящим мудрости”. С тех пор разумным и понимающим человеком стал у нас считаться человек “книжный”, т.е. обладающий научно-литературным образованием, и самую глубокою чертою в характере этого книжника стало смиренномудрие личное и национальное. Так народился первый достоверно известный по письменным памятникам тип русского интеллигента» [15. С. 301].

Великий историк совершенно верно отметил неразрывную взаимосвязь между русской книжностью и русской интеллигентностью, которая послужила предпосылкой для зарождения документально-коммуникационных институтов в эпоху просветительских реформ Петра I и Екатерины II.

В просвещённой России не было своих философов и религиозных пророков, но она взрастила созвездие гениальных писателей и поэтов, которые почитались как «властители дум» образованного общества и заменяли ему и философов, и пророков. Весь XIX век прошёл под знаком *литературоцентризма*, опирающегося на традиционный культ Книги и книжников. Золотой и Серебряный века русской культуры были временем становления *библиосферы* – системы социальных институтов, обеспечивающих книжную и газетно-журнальную коммуникацию в обществе. В XIX столетии на базе полиграфической техники в капитализирующейся России происходило формирование пяти книжных институтов: книгоиздательского, журналистского, книготоргового, библиографического, библиотечного.

Обратим внимание на то, что социальным институтом считается не отдельное учреждение или служба, а «исторически сложившаяся устойчивая форма организации совместной деятельности людей» [16], включающая профессиональное сознание (социальные цели и идеалы, технологические знания и умения, этические нормы, запреты, принципы) и совокупность специализированных учреждений, обеспечивающих воспроизводство социальных отношений, организацию труда, научные исследования, подготовку профессиональных кадров.

Под *социальным институтом* будем понимать целесообразно организованную и социально (юридически) признанную систему учреждений, включающую: а) учреждения профильной для данного института профессиональной практики (например, издательства, типографии, книжные магазины и т.д.); б) учреждения для подготовки кадров (профессиональное образование); в) органы управления, в том числе общественные ассоциации; г) научно-исследовательские центры (отраслевая наука); д) отраслевую коммуникацию (периодические издания, профессиональные семинары и конференции).

Наследием просветительского энциклопедизма XVIII в., представители которого мечтали охватить весь универсум человеческого знания, запе-

чатлѐнный в книжной форме, стало *синкретическое учение о книге*, в котором *библиосфера* (мир книг) рассматривалась без дифференциации библиографических, библиотечных, книготорговых, книгоиздательских и прочих аспектов.

Синкретические взгляды господствовали в России более столетия: со времени выхода статьи В. Г. Анастасевича «О библиографии» (1811 г.) до публикации статьи Н. М. Лисовского «Книговедение как предмет преподавания, о его сущности и задачах» (1915 г.). Синкретическая наука о книге была всесторонне рассмотрена Н. К. Леликовой [17]. Серебряный век стал свидетелем не только распада синкретического учения, но и идейного противостояния двух утопических проектов:

филологическая утопия – детально инвентаризировать книжное пространство «от великого философского трактата до пошленькой брошюрки и прейскуранта включительно» (А. Д. Торопов);

социально-психологическая утопия – гармонично согласовать книжное и социальное пространства по принципу: каждому читателю – его книгу, каждую книгу – её читателю.

Практика показала, что реализовать эти проекты невозможно, поэтому их следует считать утопическими мечтаниями. Однако эти благородные утопии были привлекательны не только для современников *Андрея Дмитриевича Торопова* (1851–1927) – организатора Русского библиографического общества, но и для нынешних проектировщиков электронных библиотек.

Не случайным, а знаковым стало хронологическое совпадение отечественной инициативы Русского библиографического общества по созданию исчерпывающе полного «каталога всех русских книг гражданской печати» и идеи *Поля Отле* (1868–1944) организовать в 1895 г. Международный библиографический институт для постоянного ведения каталогов, отражающих всю печатную продукцию всех стран, вышедшую в свет с начала книгопечатания.

Разумеется, решить эту задачу «гениальному мечтателю» Отле и его трудолюбивым единомышленникам не удалось. Но они преуспели в другом грандиозном начинании – реформации традиционной библиографической деятельности: вместо классической категории Книга они ввели в оборот неклассическую категорию Документ.

Библиографы-новаторы обратили внимание на то, что учёные и инженеры в основном интересуются не книгами, периодическими изданиями в целом, сборниками статей, отражающими прошлое состояние науки и техники, а статьями, газетными вырезками, фотографиями и чертежами, фирменной рекламой, содержащими новейшие и конкретные сведения. Первые они назвали *макродокументами*, а вторые – *микродокументами*. Таким об-

разом, было положено начало документальному подходу к библиосфере. В европейских фирмах и университетах стали создаваться центры документации, которые, в отличие от библиотек, предпочитавших работать с макродокументами, сосредоточились на сборе, обработке, хранении, поиске и предоставлении потребителям микродокументов. В процессе документационной деятельности использовались методы не только библиографического книгоописания, но и аннотирования, реферирования, оценки и обобщения микродокументов, которые значительно обогатили инфраструктуру социальной коммуникации.

В 1930-е гг. в США, Великобритании, Германии, Франции появились научные документационные центры, профессиональные ассоциации и периодические издания по документации. Документация получила признание в качестве авторитетного социального института, что подтверждает переименование в 1938 г. Международного библиографического института в Международную федерацию по документации (*Federation internationale de documentation*) со штаб-квартирой в Гааге.

Федерация координировала документационную деятельность в мировом масштабе, организовывала подготовку кадров документалистов, курировала развитие Универсальной десятичной классификации. В 1988 г. Международная федерация по документации была переименована в Международную федерацию по информации и документации (*International Federation for Information and Documentation*). В 2002 г. организация прекратила свою деятельность.

Обратим внимание на то, что в международной терминологии слово *documentation* – неоднозначное: а) совокупность документов; б) вид профессиональной деятельности; в) наука о документе. Поль Отле определял документ как «совокупность фактов или идей, представленных в виде текста или изображения и упорядоченных их составителями согласно классификации или плану, которые определены предметом или целью» [18. С. 190]. Эта формулировка распространялась как на макродокументы, так и на микродокументы, включая все разновидности архивных документов и музейных экспозиций.

В качестве документационной науки основоположник документации постулировал «книго-архиво-музееведение», интегрирующее содержание библиотековедения, библиографоведения, архивоведения, музееведения с целью выявления общих для них закономерностей. Он назвал эту документоцентристскую дисциплину *документология*. Однако документалисты-практики предпочитали не обобщающие теории, а конкретные методики документационного обеспечения научно-технических разработок или бюрократического управления, поэтому о документологии долгое время не вспоминали.

В творческой атмосфере Серебряного века российские книжники не интересовались документологией ещё и по той причине, что в их среде было достаточно научных новаций. Нельзя не вспомнить *Александра Михайловича Ловягина* (1870–1925), автора концепции *библиологии*, обобщающей теории, которую он определял как «теоретическую науку, объединяющую в одну целостную систему все ныне разбросанные знания и наблюдения о книге».

Понимая библиологию как «отрасль социологии», он в 1918 г. выступил (совместно с Э. А. Вольтером) с инициативой организации Социобиблиологического института. В деятельности института принимали участие ведущие социологи того времени, в том числе П. А. Сорокин и Н. А. Греедескул. Предметом изучения библиологии, по А. М. Ловягину, было «книжное общение» в его генетике (происхождение и эволюция), статике (способы книжного общения) и динамике (бытование книги в обществе). Выражаясь современным языком, «книжное общение» – это не что иное, как документальная коммуникация. А. М. Ловягин выходит на уровень метатеории социальной коммуникации.

Ещё один выход на этот уровень – выдвинутая им гипотеза *идеографии*. Он сформулировал её следующим образом: «Правильнее было бы для надобностей точных наук регистрировать не заглавия книг и статей, а те новые факты и законы, которые в них раскрываются, разъясняются и перечисляются. Иными словами: для точных наук нужна вовсе не библиография, а нечто иное, что мы могли бы назвать *идеографией*» [19. С. 23]. Возможно, в базах знаний информационного общества гипотезу идеографии удастся реализовать, пока же она хорошо вписалась в идеодокументографическую концепцию Н. А. Слядневой [20].

К научному наследию А. М. Ловягина, который был президентом Русского библиологического общества и учёным секретарём Петроградского научно-исследовательского института книговедения, до сих пор обращаются книговеды и информатики. Нельзя не пожалеть, что почти полвека идеи А. М. Ловягина, как и труды его современников – философов-идеалистов Серебряного века, из-за тенденциозных обвинений в позитивизме, психологизме, формализме, вульгарном материализме и эклектике были исключены из научной жизни. Только в 1960-е гг. была реабилитирована научная репутация другого мыслителя-книговеда – *Михаила Николаевича Куфаева* (1888–1948), автора «философии книги», до сих пор не утратившей профессионально-мировоззренческого значения.

Пророчески звучат слова М. Н. Куфаева, сказанные в 1921 г.: «Правильнее всего понимать книгу как *вместилище всякой мысли и слова, облечённых в видимый знак*, всё то, что могло бы при некотором *техническом*

видоизменении получить вид и характер книги в самом узком смысле этого слова. И ассирийская клинопись, и латинский свиток, и современный фолиант, и брошюра, и афиша – все книги» [21. С. 61, 62].

Современник Н. М. Куфаева *Николай Михайлович Сомов* (1867–1951) в своём библиологическом сочинении исходил из дефиниции: Книга – «всякий материал, удобочитаемый и легко переносимый, на котором графически закреплены какие-либо мысли» [22. С. 9]. Немного уточнив формулировку М. Н. Куфаева и дополнив её свойствами, отмеченными Н. М. Сомовым, получаем следующую *сущностную* дефиницию: *Книга – долговременное портативное хранилище, способ тиражирования и передачи социально ценных духовных смыслов, выраженных человекочитаемыми знаками.*

Можно ли, исходя из этого сущностного определения Книги, считать её разновидностью Документа? В 1930-е гг. в структуре Академии наук СССР существовал Институт книги, документа и письма, который занимался изучением «развития книги, документа и письма как взаимосвязанных явлений». Однако советские теоретики, скептически отвергавшие зарубежную идею документации, соотношением Книги и Документа в то время не интересовались.

Только в начале XXI в., когда управленческое документоведение стало претендовать на роль первичного источника процесса познания, вопрос о логическом соотношении понятий «книга» и «документ» снова приобрёл актуальность в более широкой, можно сказать, научно-интегральной формулировке: «Возможен ли синтез архива, библиотеки, музея?». В предыдущих разделах, пытаясь уяснить сущность документа «в первом приближении», мы акцентировали внимание на определениях понятий «архивный документ» и «книга», но проблему определения «музейных документов» не затрагивали. Пора заполнить этот пробел.

1.4. Музейный документ как исторический источник

В музееведении (музеологии), которое некоторые специалисты относят к документоведческим наукам, термин «музейный документ» не используется. В качестве одного из центральных понятий традиционно выступает *музейный предмет*, который, по определению классика отечественного музееведения *Аврама Моисеевича Разгона* (1920–1989), представляет собой «извлечённый из реальной действительности предмет музейного значения, включённый в музейное собрание и способный длительное время сохраняться» [23. С. 37]. Это, прежде всего, предмет подлинный, «аутентичный источник знаний и эмоций», результат деятельности человека, обладающий научной, исторической, мемориальной или художественной ценностью.

Важнейшими свойствами музейного предмета (в художественных и естественнонаучных музеях предпочитают именовать выставленную единицу хранения «экспонат») считаются: *информативность* – быть источником сведений о явлениях природы и общества, характеризовать особенности среды бытования, в которой он находился; *экспрессивность* – способность воздействовать на эмоциональную сферу человека; *аттрактивность* – свойство привлекать внимание, возбуждать интерес [23. С. 37–40].

Если сопоставить перечисленные свойства музейного предмета с определением аутентичного документа, отличительным свойством которого является способность «служить доказательством чего-то, подтверждением права на что-то» (см. раздел 1.2), то можно сделать вывод, что качество информативности (быть источником сведений) позволяет считать всякий музейный предмет (экспонат) документом, характеризующим определённое место и время, т.е. свидетельством, служащим историческим источником.

Основоположник французской исторической школы и основатель журнала «Анналы» *Марк Блок* (1886–1944) утверждал в своей книге-завещании: «Разнообразие исторических свидетельств почти бесконечно. Всё, что человек говорит или пишет, всё, что он изготавливает, всё, к чему он прикасается, может и должно давать о нём сведения» [24. С. 39]. Поэтому в исторические исследования широко вовлечены вещественные, изобразительные, аудиальные источники, что привело к развитию так называемых вспомогательных исторических дисциплин.

Культурная антропология не довольствуется историей письменной культуры, а пытается воспроизвести дописьменную эволюцию человечества. Этой цели служат *археологические музеи*, которые собирают, хранят, изучают и экспонируют предметы, которые обнаружены в результате археологических исследований и имеют историческую и художественную ценность. Объектами музеефикации могут стать также недвижимые археологические памятники: древние городища, погребения, оборонительные и культовые сооружения. Существуют музеи-заповедники, музеи под открытым небом, музеи-памятники, которые редко называются «документы».

Большинство музеевдов предпочитают считать настоящими документами только коллекции (собрания) письменных, графических, кинофотофонодокументов, которые формируются во многих музеях. Однако академик *Сигурд Оттович Шмидт* (1922–2013), повторяя, что «исторический источник – это всё то, откуда черпают сведения о прошлом, т.е. не только отражение непосредственного исторического процесса, но и то, что помогает познать ход исторического процесса во всём его многообразии» [25. С. 29], настойчиво отстаивал необходимость введения обобщающего понятия «до-

кументальный памятник». Он не говорил о различиях в понимании архивных документов и музейных предметов, но об этом свидетельствует разработанная им типология исторических источников, получившая признание музееведов [26].

В этой типологии видное место занимают не только «письменные памятники во всем многообразии их форм и видов», но и «вещественные источники во всем их многообразии (от предметов археологии до современных машин и бытовых предметов), не только чучела животных, птиц и муляжи плодов, гербарии (выставленные в музеях), но и сами животные, птицы, растения и другие природно-географические источники. Разумеется, не забыты произведения изобразительного искусства, этнографические раритеты и «звуки в широком и узко музыкальном смысле».

Основой профессионализма историка-исследователя является *историческое источниковедение*. В учебном пособии, подготовленном коллективом учёных-историков Высшей школы экономики, приведено следующее определение: «Источниковедение – гуманитарная дисциплина, объект которой – исторические источники, т.е. вся совокупность произведений человека / продуктов культуры – эмпирическая реальность исторического мира, а предмет – изучение исторического источника как культурного феномена и на этой основе поиск, извлечение, оценка и использование в науке и иных социальных практиках информации о человеке и обществе в их исторической составляющей... Профессиональный историк должен не только уметь добывать факты путём “критики исторических источников”, но и владеть источниковедческим подходом, который может и должен стать основанием «толерантного отношения к Другому, что представляет собой неперенное требование современной этики» [27. С. 7–9].

Источниковедение логически связано с документоведением, ибо лишь подлинный документ может служить надёжным историческим источником. Ясно, что довольствоваться только письменными записями историки не могут, хотя именно к этому их призывают консервативные архивисты и библиотековеды. Поль Отле и его последователи не могли с ними согласиться. Между сторонниками «двумерных» и «трёхмерных» документов развернулась многолетняя дискуссия, с которой нас ознакомил А. И. Земсков [28].

Классик мировой библиотечной науки *Шиали Ранганатан* (1892–1972) признавал книги и статьи документами, поскольку они служат для записи «микромысли» на бумаге или другой плоской поверхности, «подходящей для работы, транспортировки сквозь пространство и сохранности во времени», Отле же считал, что под понятие «документ» вполне подходят не толь-

ко библиотечные фолианты, но и скульптуры, археологические находки, коллекции, «составленные из предметов в их естественном виде, а не в виде словесных описаний».

В 1951 г. вице-президент Международной федерации документации *Сюзанн Брие* (1894–1989) опубликовала Манифест о природе документации, где утверждала, что камень в реке документом не является, а камень в музее – документ. По мнению французской документалистки, антилопу, живущую на воле в африканской саванне, документом назвать нельзя, но если её поместили в клетку зоопарка и изучают, она становится первичным документом, и все статьи о ней – это вторичные, производные документы.

Юрий Николаевич Столяров, с удовлетворением отмечая, что Ш. Р. Ранганатан расширил понятие «книга» до понятия «документ» и соответственно раздвинул понятие «библиотека», пришёл к заключению: для того чтобы разобраться с сущностью понятия «документ», нужно выработать максимально общее определение и оттолкнуться от него. Это определение он сформулировал чётко и лаконично: «Документ есть объект, позволяющий получить от него требуемую информацию. Если нужную информацию могут предоставить антилопа в саванне, камень в реке и звезда в небе, то в этот момент и для этих целей они представляют собою документы. Если же в информационном отношении перечисленные объекты интереса для субъектов не имеют, то и документами для этих субъектов они не являются. *Документ – понятие относительное*» [29. С. 77]. Такой вывод имеет важное значение для правильной постановки вопроса о синтезе трёх документальных центров – архива, библиотеки, музея. Этот вопрос нуждается в специальном рассмотрении, которое перенесём во вторую часть нашего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Ильганаева В. А.** Социальные коммуникации (теория, методология, деятельность) : слов.-справ. – Харьков : Городская типография, 2009.

Ilganaeva V. A. Sotsialnye kommunikatsii (teoriya, metodologiya, deyatel'nost') : slov.-sprav. – Harkov : Gorodskaya tipografiya, 2009

2. **Толково-энциклопедический словарь.** – Санкт-Петербург : Норинт, 2006.

Tolkovo-entsiklopedicheskiy slovar. – Sankt-Peterburg : Norint, 2006.

3. **Основы** законодательства Российской Федерации об Архивном фонде РФ и архивах (7 июля 1993 года) // *Otechestv. arh.* – 1993. – № 5. – С. 3–13.

Osnovy zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii ob Arhivnom fonde RF i arhivah (7 iyulya 1993 goda) // Otechestv. arh. – 1993. – № 5. – S. 3–13.

4. **Хорхордина Т. И.** Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. – Москва : РГГУ, 2003.

Horchordina T. I. Rossiyskaya nauka ob arhivah. Istoriya. Teoriya. Lyudi. – Moskva : RGGU, 2003.

5. **Козлов В. П.** Теоретические основы археографии с позиций современности // *Otechestv. arh.* – 2001. – № 1.

Kozlov V. P. Teoreticheskie osnovy arheografii s pozitsiyi sovremennosti // Otechestv. arh. – 2001. – № 1.

6. **Митяев К. Г.** Документоведение, его задачи и перспективы развития // *Вопр. архивоведения.* – 1964. – № 2. – С. 27–37.

Mityaev K. G. Dokumentovedenie, ego zadachi i perspektivy razvitiya // Vopr. arhivovedeniya. – 1964. – № 2. – S. 27–37.

7. **Словарь** современной архивной терминологии социалистических стран. – Москва, 1982.

Slovar sovremennoy arhivnoy terminologii sotsialisticheskikh stran. – Moskva, 1982.

8. **Куняев Н. Н., Уралов Д. Н., Фабричнов А. Г.** Документоведение : учеб. 2-е изд. – Москва : Логос, 2015. – 352 с.

Kunyaev N. N., Uralov D. N., Fabrichnov A. G. Dokumentovedenie : ucheb. 2-e izd. – Moskva : Logos, 2015. – 352 s.

9. **Ларьков Н. С.** Документоведение : учеб. 3-е изд. – Москва : Проспект, 2016. – 416 с.

Larkov N. S. Dokumentovedenie : ucheb. 3-e izd. – Moskva : Prospekt, 2016. – 416 s.

10. **Двоеносова Г. А.** Признаки, свойства и функции документа: опыт рационализации понятий // *Вестн. архивиста.* – 2012. – № 4.

Dvoenosova G. A. Priznaki, svoystva i funktsii dokumenta: opyt ratsionalizatsii ponyatiy // Vestn. arhivista. – 2012. – № 4.

11. **Двоеносова Г. А.** Феномен документа // *НТИ.* – Сер. 1. – 2015. – № 6. – С. 1–8.

Dvoenosova G. A. Fenomen dokumenta // NTI. – Ser. 1. – 2015. – № 6. – S. 1–8.

12. **Двоеносова Г. А.** Документ – имя собственное // *Вестн. РГГУ.* – Серия «Документалистика, Документоведение, Архивоведение». – 2014. – № 2. – С. 87–93.

Dvoenosova G. A. Dokument – imya sobstvennoe // Vestn. RGGU. – Seriya «Dokumentalistika, Dokumentovedenie, Arhivovedenie». – 2014. – № 2. – S. 87–93.

13. **Ахманова О. С.** Слов. лингвист. терминов. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Ahmanova O. S. Slov. lingvist. terminov. – Moskva : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2010.

14. **Ларин М. В.** Актуальные проблемы современного документоведения // *Вестн. РГГУ.* – 2014. – № 2.

Larin M. V. Aktualnye problemy sovremennogo dokumentovedeniya // Vestn. RGGU. – 2014. – № 2.

15. **Ключевский В. Ю.** Неопубликованные произведения. – Москва, 1983.
Klyuchevskiy V. Yu. Neopublikovannyye proizvedeniya. – Moskva, 1983.
16. **Глотов М. Б.** Социальный институт: определение, структура, классификация // Социолог. исслед. – 2003. – № 10. – С. 13–19.
Glotov M. B. Sotsialnyy institut: opredelenie, struktura, klassifikatsiya // Sotsiolog. issled. – 2003. – № 10. – S. 13–19.
17. **Леликова Н. К.** Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века. – Санкт-Петербург : РНБ, 2004. – 415 с.
Lelikova N. K. Stanovlenie i razvitiye knigovedcheskoy i bibliograficheskoy nauk v Rossii v XIX – pervoy treti XX veka. – Sankt-Peterburg : RNB, 2004. – 415 s.
18. **Отле П.** Библиотека, библиография, документация: избранные труды пионера информатики. – Москва, 2004.
Otle P. Biblioteka, bibliografiya, dokumentatsiya: izbran. tr. pionera informatiki. – Moskva, 2004.
19. **Ловягин А. М.** Библиологические очерки. – Пг., 1916.
Lovyagin A. M. Bibliologicheskie ocherki. – Pg., 1916.
20. **Сляднева Н. А.** Библиография в системе Универсума человеческой деятельности: опыт системно-деятельностного анализа. – Москва : Изд-во МГИК, 1993. – 226 с.
Slyadneva N. A. Bibliografiya v sisteme Universuma chelovecheskoy deyatel'nosti: opyt sistenno-deyatelnostnogo analiza. – Moskva : Izd-vo MGIK, 1993. – 226 s.
21. **Куфаев М. Н.** Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. – Москва, 2004.
Kufaev M. N. Problemy filosofii knigi. Kniga v protsesse obshcheniya. – Moskva, 2004.
22. **Сомов Н. М.** Сущность книговедения. Библиологический очерк. – Москва, 1933.
Somov N. M. Sushchnost knigovedeniya. Bibliolog. ocherk. – Moskva, 1933.
23. **Основы музееведения** : учеб. пособие / отв. ред. Э. А. Шулепова. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
Osnovy muzeevedeniya : ucheb. posobie / отв. red. E. A. Shulepova. – Moskva : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2010.
24. **Блок М.** Апология истории, или ремесло историка : пер. с фр. – 2-е изд., доп. – Москва, 1986.
Blok M. Apologiya istorii, ili remeslo istorika : per. s fr. – 2-e izd., dop. – Moskva, 1986.
25. **Шмидт С. О.** Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: теорет. и метод. проблемы. – Москва, 1969.
Shmidt S. O. Sovremennyye problemy istochnikovedeniya // Istochnikovedenie: teoret. i metod. problemy. – Moskva, 1969.
26. **Шмидт С. О.** Путь историка : избр. тр. по источниковедению и историографии. – Москва, 1997.
Shmidt S. O. Put istorika : izbr. tr. po istochnikovedeniyu i istoriografii. – Moskva, 1997.
27. **Шмидт С. О.** О классификации исторических источников // Вспомогат. ист. дисциплины. – Вып. 16. – Ленинград, 1985. – С. 3–24.
Shmidt S. O. O klassifikatsii istoricheskikh istochnikov // Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny. – Vyp. 16. – Leningrad, 1985. – S. 3–24.

28. **Источниковедение** : учеб. пособие / отв. ред. М. Ф. Румянцева. – Москва : Издат. дом Высшей школы экономики, 2015.

Istochnikovvedenie : *ucheb. posobie* / *otv. red. M. F. Rummyantseva*. – *Moskva* : *Izdat. dom Vysshey shkoly ekonomiki*, 2015.

29. **Земсков А. И.** Документоведение – было, есть и будет. (Обзор зарубежных публикаций) // Науч. и техн. б-ки. – 2006. – № 7. – С. 63–73.

Zemskov A. I. Dokumentovedenie – bylo, est' i budet (Obzor zarubezhnyh publikatsiy) // *Nauch. i tehn. b-ki*. – 2006. – № 7. – S. 63–73.

30. **Столяров Ю. Н.** Теория относительности документа // Там же. – 2006. – № 7. – С. 73–78.

Stolyarov Yu. N. Teoriya otноситel'nosti dokumenta // *Tam zhe*. – 2006. – № 7. – S. 73–78.

Arkadiy Sokolov, Dr. Sci. (Pedagogy); Professor, St. Petersburg State Institute of Culture;

sokolov1@front.ru

15 Fuchika str., St. Petersburg, 192238 Russia